

**«ЗАКЛЯТЫЕ ПАРТНЕРЫ»:
СОВЕТСКАЯ И НЕМЕЦКАЯ ЛЕГАЛЬНАЯ РАЗВЕДКА
В 1920-Е – НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ**

Советско-германское секретное сотрудничество в военной сфере, начавшееся после подписания Рапалльского договора, имело и специфическое направление: обмен разведывательной информацией о третьих странах (в первую очередь о Польше, Румынии и Прибалтийских государствах) между рейхсвером и РККА, налаженный с середины 1920-х годов. Разведуправление штаба РККА и разведотдел рейхсвера интенсивно обменивались сведениями. Советское полпредство в Берлине предлагало рецепты дальнейшего взаимодействия:

«Устраняем совместные обсуждения оперативных вопросов (напр., "возможный план стратегического развертывания Прибалтийских государств и Польши"); этих разговоров бояться нечего, если к ним хорошо подготовиться и сговориться по линии разведывательной и дезинформационной»¹.

При этом сбор сведений военного и военно-политического характера о стране-партнере оставался одной из главных задач на всем протяжении сотрудничества в «рапалльское десятилетие». Однако высокопоставленные представители рейхсвера категорически отрицали реализацию ими разведывательных задач. Так, например, один из главных немецких кураторов сотрудничества в военной сфере О. Нидермайер утверждал, что не получал от немецкого Генштаба заданий добывать военные и экономические данные об СССР. По его словам, Берлин строго предупредил его о том, что он категорически не должен заниматься сбором каких бы то ни было сведений о Советском Союзе, во избежание компрометации².

С начала 20-х годов Нидермайер возглавлял «Московский центр» («Ц-Мо») – службу немецкого Генштаба по русским вопросам. Он ежедневно направлял в «Ц-Б» («Zentrale – Berlin» – германское управление Генштаба по русским делам) информацию, содержащуюся в материалах советской военной прессы, и сведения, основанные на результатах личных наблюдений: присутствия на парадах и маневрах РККА, осмотрах и посещениях предприятий, переговорах с представителями Генштаба РККА, запросов по тем или иным проблемам. Получение сведений, утверждал Нидермайер, строилось на принципе взаимности, так как и работники Генштаба РККА иногда официально запрашивали немецких коллег по военной проблематике. Информацию он пересылал в Берлин через дипкурьеров немецкого посольства³.

Нидермайер общался с представителями ВВС П.И. Барановым и Я.И. Алкснисом, начальником военно-химического управления Я.М. Фишманом, начальником морского управления Р.А. Муклевичем и руководителем Разведупра Я.К. Берзиным, через которого решались все вопросы работы «Ц-Мо». Постоянные контакты он имел с задействованными в процессе организации, строительства и контроля за деятельностью советско-германских военных предприятий и школ советскими военными и партийными руководителями: М.Н. Тухачевским, И.П. Уборевичем, И.Э. Якиром, А.И. Корком, В.К. Блюхером, К. Радеком. Вел переговоры с Л.Д. Троцким, А.И. Рыковым, Г.В. Чичериным, Л.М. Караханом, В. Коппом, Н.Н. Крестинским и др.⁴

Возможности для сбора немцами разведывательной информации были относительно широкими: в описываемый период офицеры рейхсвера и инженеры часто посещали Советский Союз и имели доступ к промышленным и военным секретам, и вряд ли была необходимость в создании специальной тайной разведывательной службы силами дипломатов. Портить репутацию посольства в глазах советского руководства немецкому Генштабу было невыгодно. При штабе советских ВВС существовала немецкая группа специалистов – консультантов по тем проблемам, которые в то время решались в области авиации.

Они производили опыты и испытания и, конечно, знали многие секреты развития авиации в СССР.

В промышленности, включая военную, также было много немецких специалистов. Все эти лица выезжали в Германию и могли давать там самые подробные сведения о состоянии советской промышленности.

О том, что немцы имели на территории Советского Союза относительно большие возможности для сбора информации, свидетельствует и следующий факт. В 1930 г. начальник министерского управления, впоследствии рейхсканцлер К. фон Шляйхер захотел получить сведения о развивающейся индустрии СССР. С этой целью в Москву был прислан офицер генштаба В. Мюллер. По согласованию с представителем советского Генштаба, руководителем Разведупра Берзиным Мюллер в сопровождении Нидермайера совершил поездку по промышленным районам СССР, где имел доступ к осмотру предприятий Горького, Сталинграда, Ростова, посетил ДнепрогЭС. Их сопровождал представитель Красной Армии (попутно немецкие «гости» побывали на совместных военных предприятиях). Добытые Мюллером сведения об СССР получили одобрительную оценку со стороны Шляйхера⁵.

В немецком посольстве «Ц-Мо» числился как хозяйственно-административное управление. Но почти все сотрудники дипмиссии знали о характере его деятельности. Нидермайер поддерживал тесную связь с послом – Г. фон Дирксеном, советниками – Ф. фон Твардовским и Г. Хильгером. Из отчетов немецкого МИДа Нидермайер брал информацию для германского Генштаба о заседаниях ЦИК, о судебных процессах по делу вредителей, решениях исполкома Коминтерна. В 1931 г. Нидермайер вернулся в Германию. С 1932 г. круг деятельности «Ц-Мо» резко сократился – с этого периода он занимался только школами и был ликвидирован одновременно с ними⁶.

В январе 1931 г. руководство III разведывательного отдела немецкого Генерального штаба назначило на должность постоянного сопровождающего офицера командиров Красной Армии, прибывавших в Германию на учебу и маневры, К. Шпальке. Шпальке, тогда капитан, имел, кстати, и диплом перевод-

чика, собирал в отношении иностранных армий следующие разведывательные данные: их структура, организация и оснащение, дислокация войск, замыслы генштабов и мобилизационные планы, состояние военной промышленности и потенциальные возможности.

Кроме получения вышеназванной информации от германских военных атташе, аккредитованных в различных странах, а также использования официальных источников, III отдел в своей работе поддерживал контакт с германской военной разведкой⁷.

«Наряду с обслуживанием в качестве переводчика групп командиров Красной Армии, прибывших в Германию на маневры и для обучения в академии Генерального штаба, на меня возлагались и разведывательные задачи, а именно: в беседах с командирами Красной Армии собирать интересующие генштаб разведывательные сведения о структуре, организации и оснащении советских вооруженных сил, дислокации частей и военной промышленности, изучение политических настроений и деловых качеств командиров Красной Армии и составление характеристик на последних», – сообщал Шпальке⁸.

В процессе общения с советскими офицерами он выяснял ряд данных тактического свойства. В то время германский Генеральный штаб имел уставы Красной Армии, но некоторые пункты этих документов были непонятны немецким военным. Разбирая с краскомаами ту или иную тактическую задачу в академии Генерального штаба, Шпальке уточнял неясные для немцев положения уставов РККА об использовании танков, артиллерии в боевой обстановке⁹.

Большое внимание немецкий Генштаб в целом и разведка в частности придавала изучению личностных особенностей советских офицеров. Рейхсвер интересовался их политическими убеждениями, образованием, социальным происхождением, доминирующими чертами характера, пристрастиями. Характеристики составлялись по заданию разведотдела¹⁰.

С 1929 по 1933 г. Шпальке в соответствии с заданиями полковника Фишера, а потом сменившего его на посту начальника

III разведывательного отдела Генштаба генерала Штюльпнагеля составил политические и деловые характеристики на всех командиров Красной Армии, которых сопровождал. В основу этих характеристик были положены материалы, собранные путем изучения в ходе повседневного общения и бесед с командирами Красной Армии их политических настроений, отношения к Германии и деловых качеств¹¹.

Шпальке с 1931 по 1933 г. составил «психологические портреты» Урицкого, Егорова, Дубового, Дыбенко, Левандовского, Белова, Примакова и Тимошенко.

«Я указал в характеристиках, что это преданные советской власти командиры... В 1936 году также будучи в СССР, я в Москве встречался на частной квартире с Урицким и Беловым. В 1936 году я приезжал в Москву для бесед с рядом высших командиров Красной Армии, в целях укрепления и лучшей взаимосвязи между германской и Красной Армией»¹².

«Должен указать, что руководство III отдела большой интерес проявляло к Егорову, Якиру, Белову, Дыбенко, Дубовому, Левандовскому и Тимошенко, поскольку они занимали видное положение в Красной Армии, в отношении которых в связи с этим я проявил особую внимательность при изучении их. Мне известно, что подполковник Миршински вел картотеку учета руководящего состава Красной Армии, куда он заносил все добытые мною характеризующие их данные...»¹³

Разведывательный отдел немецкого Генштаба пытался получить данные по вопросам структуры РККА, ее вооружения, дислокации отдельных частей, военной промышленности, а также изучить вопросы тактического взаимодействия отдельных родов войск в боевой обстановке¹⁴.

В частности, Разведотдел германского Генштаба получил информацию, что высшее командование Красной Армии серьезно занимается вопросами высадки во время войны танковых и пехотных десантов в тыл армии противника.

На основании бесед с командирами Красной Армии Шпальке «удалось установить, что они особо интересуются вопросами раз-

вигия артиллерии и, в частности, установления огневых артиллерийских точек противника при помощи звукоулавливателей и светомулавливателей... Создалось впечатление, что в России имеются специальные научные учреждения, которые изучают эти вопросы. По поводу использования артиллерии в бою я установил что русские, в противоположность немцам, создавшим смешанные артиллерийские группы из батарей дальнего и ближнего действия, – считают более целесообразным использовать по отдельности артиллерию дальнего боя и артиллерию ближнего боя, хотя в принципе не отказываются и от создания смешанных артиллерийских групп. По вопросам противотанковой артиллерии в разговорах с командирами Красной Армии я установил, что имеющаяся на вооружении Красной Армии 35 мм. противотанковая пушка уже не удовлетворяет их, и они занимаются созданием более мощной 45 мм. противотанковой пушки»¹⁵.

Особый интерес разведывательный отдел Генштаба проявлял к вопросам использования Красной Армией танков. В связи с этим немецкой стороне удалось выяснить, что Красная Армия создает и в случае возникновения войны намерена использовать танковые подразделения двояко: для поддержания танками наступающей пехоты и для прорыва фронтов и действия танков в глубоком тылу противника¹⁶.

Столь пристальное внимание к закрытым сферам «друзей» трудно объяснить лишь добросовестным стремлением к максимально эффективному сотрудничеству. Вероятнее другое: априори действуя в системе двойных стандартов в обход действующих Версальских соглашений, немецкая сторона не отказывалась и от двойных стандартов с советскими партнерами. Получая выгоды, хоть и не вполне оправдавшие первоначальные надежды, от деятельности совместных школ и военно-промышленных предприятий, рейхсвер предпочитал получать и закрытую информацию.

Свои взаимоотношения с командирами Красной Армии, которых он сопровождал на маневрах в Германии, Шпальке называл дружескими¹⁷. Неоднократно он выезжал с ними в свободные от занятий дни на различные экскурсии, бывал на квартире у Егорова, Левандовского и др. В Берлине у него в доме

бывали Тимошенко, Меженинов и другие. Во время общения с командирами Красной Армии и бесед с ними на деловые темы он пытался «прозондировать» вопросы, интересовавшие немецкий Генштаб. В связи с этим любопытен такой эпизод: используя свои связи с указанными командирами Красной Армии, Шпальке пытался получить в 1926 г. сведения о дислокации советских войск у одного командира.

«Моя попытка не увенчалась успехом, так как во время беседы он перевел разговор на другую тему... Вторично я пытался получить в 1931 году сведения о номерах дивизий, входивших в состав корпуса, дислоцировавшегося в Средней Азии от начальника штаба корпуса, находившегося в группе Егорова... Начальник штаба корпуса ответил, что номеров дивизий он не знает»¹⁸.

Помимо уже упомянутых, Шпальке назвал следующие вопросы, интересовавшие германский Генштаб: обучение кадров Красной Армии, структура высших военных органов – военного министерства, Генштаба РККА, штабов военных округов и армий. Кроме того – мобилизационные планы Генштаба РККА, состояние военной промышленности СССР и потенциальные экономические возможности СССР.

Для сбора информации применялись и детальные опросы немецких специалистов, выезжавших в СССР для монтажа на фабриках и заводах купленного в Германии оборудования. Они сообщали ценные сведения о развитии в Советском Союзе промышленности. Шпальке упоминает, что и в беседах с приезжавшими в Германию советскими офицерами работники разведотдела немецкого Генштаба также пытались выяснить интересующие их вопросы¹⁹.

Заместитель Бломберга полковник Х. фон Миттельбергер в ходе своей поездки в СССР в 1928 г. специально занимался оценкой способностей и политических взглядов советских командиров.

В отчете он особое внимание уделил Тухачевскому: «Самым значительным военным представителем Красной Армии является шеф генерального Штаба Михаил Тухачевский. На него возлага-

ются большие надежды... Очень умен и очень тщеславен»²⁰. В Германии его называли одним из выдающихся талантов Красной Армии, коммунистом исключительно по соображениям карьеры. «Он может переходить с одной стороны на другую, если это будет отвечать его интересам»²¹.

Об общем впечатлении от Красной Армии Бломберг писал, что оно «вполне удовлетворительно... Красная армия располагает превосходным солдатским материалом. Русский солдат обладает, как и ранее, отличными военными качествами, которыми он отличался в течение столетий. В высшей степени закаленный, выносливый, привыкший к физическим нагрузкам, волевой и непрятельный, он дает командованию возможность добиваться от войск поразительных результатов».

Как особо выдающиеся качества он отметил твердую внутреннюю сплоченность, прогресс, достигнутый в последние годы, стремление устранить известные недостатки и при широком использовании немецких образцов добиться производительности, соответствующей западным требованиям, усилия по созданию современных вооружений (авиация, химическое оружие), крепкую связь с народом²².

Таким образом, к 1933 г., в германском Генштабе был накоплен достаточно обширный материал об РККА, полученный за период рапальского сотрудничества.

Советская сторона также последовательно решала задачи легальной разведки. Всем офицерам, выезжавшим на маневры в Германию, стажировавшимся в академии немецкого Генштаба или участвовавшим в проведении исследований на совместных предприятиях на территории СССР, вменялось в обязанность изучение военного потенциала страны-партнера, тенденций ее военного развития и социально-политической обстановки. Перед Уборевичем, стажировавшимся в генштабе Германии 13 месяцев, нарком обороны Ворошилов поставил конкретные задачи:

«Штаб послал Вам задание. Я дополнительно прошу Вас собрать материал по следующим вопросам:

1. Взаимодействие родов войск, а также сухопутной армии и флота. Вам известно, что немцы критиковали, и не без основания,

наши одесские маневры²³, особенно совместные действия с флотом. Надо изучить постановку этого дела у немцев.

2. Организация, вооружение и применение кавалерии в бою. Мы знаем приблизительно взгляды немцев на конницу. Надо детально изучить, как они думают оперировать конницей на восточных театрах – наших условиях (скажем, в Польше). Вообще, надо по возможности основательно исследовать этот вопрос.

3. Об укрепленных районах. Как немцы к ним относятся, как думают их организовать. Вы помните, что снос укреплений в Восточной Пруссии (по требованию союзной комиссии) вызвал бурные протесты Р. В. (рейхсвера. – Ю.К.).

4. Организация тылов и снабжение в мирное и военное время. Надо изучить методы войскового снабжения, а также постановку этого дела в государственном масштабе (как немцы думают мобилизовать промышленность, с[ельское] хозяйство и т.д.).

5. Изучите быт немецкой армии. Мы имеем уставы, но не знаем, как живет немецкая армия и ее солдаты»²⁴.

Помимо профессиональных задач по изучению рейхсвера, советским офицерам ставились также и этические.

«Я хочу обратить Ваше внимание на еще одно обстоятельство, – инструктировал Ворошилов. – Конечно, иногда поужинать с немцами необходимо, но число всяких раутов и обедов надо свести к минимуму. Об этом есть твердое решение инстанции. Вы должны демонстрировать немцам облик нашего командира-коммуниста»²⁵.

Помимо сугубо военной разведывательной информации, накапливавшейся обеими сторонами, серьезное значение имели и «неформальные» наблюдения немецких военных, живших в СССР и работавших на совместных военных предприятиях. Они легли в основу зарождавшегося тогда «остфоршунга» – изучения востока, игравшего существенную политическую роль после прихода к власти Гитлера, сделавшего остфоршунг одним из опорных пунктов своей антироссийской пропаганды и «натиска на восток».

В докладах немецких военных в Генштаб описанию «русской картины мира» придавалось порой не меньшее значение,

чем собственно военно-профессиональной стороне поездки. Типичным по построению и подробности является отчет подполковника Вильберга и ротмистра Ешонека о поездке в Москву и Липецк в 1926 г.

Авторы документа делают следующие выводы. Москва стала лучше, вновь построены большие здания, развился транспорт. Тем не менее, общее впечатление – разочаровывающее. Для трехлетних «планомерных» работ достигнутый прогресс в столице крайне ограничен. Вне Москвы это ощущение усиливается: так, насчитывающий 23 тысячи жителей Липецк «производит впечатление полностью запущенного предельно убогого города. Ни о каком-либо строительстве, о какой-либо заботе государства нет и речи. Брошенные и разрушившиеся дома, замусоренные улицы, убого одетые люди и нищие». Наиболее сильным это впечатление становится, когда при пересечении финской границы севернее Ленинграда «попадаешь в страну с образцовым порядком и чистотой»²⁶.

Текст отчета изобилует описанием сугубо бытовых подробностей.

«Два раза в год мы приглашались к русскому коменданту: на летний праздник под открытым небом, на опушке леса и зимой на “круговую чарку” в “русском бараке”, откуда многие уходили качаясь. Кофе “Мокко” и коньяк были гораздо опаснее русской водки. Взаимоотношения с нашими партнерами были хорошими, и если русский сотрудник принимал участие на многих этапах периода испытаний немецкого коллеги, могли возникнуть дружеские отношения. Политических тем не касались обе стороны, этим обеспечивался мир. Русская заинтересованность в нашей работе была на первом месте, мы принимали среди прочих генерала Тухачевского и генерала Фишмана, который якобы изучал химию в Неаполе»²⁷.

Звучат даже нотки ностальгии при воспоминаниях о русских праздниках. Текст в этом разделе отчета – скорее эссе, нежели военный доклад.

«Рождество было большим событием периода испытаний. Украшенная елка, на каждом месте любовно накрытого праздничного стола кухонные тарелки со сдобной аппетитной выпечкой, наряженные русские девушки в своих лучших гражданских одеждах, – все создавало праздничную картину. Лишь раз в году приходил близкий нам мир в это совершенно иным образом сложившееся окружение. Советская молодежь была давно насильственно отделена от религии. Но теперь, побежденные волшебством этого события, глаза девушек увлажнились. Что-то совершенно новое для них, известное только их родителям, внезапно трогало их, они укутывались в теплое пальто, задумчивость овладевала нами всеми»²⁸.

Бломберг, смещенный перед Второй мировой войной со всех постов, также оставил в мемуарах колоритные наблюдения о «русской жизни». Они были сделаны им во время инспекционных поездок по России. И выводы немецкого военачальника, стоявшего у истоков советско-германского сотрудничества, а затем – строительства гитлеровского вермахта²⁹, интересны в социально-политическом аспекте: они дают впечатление о «подлинной» жизни людей государства-партнера.

«Народ, передвигающийся на поездах и на пароходах, мало кого заботил. Днями толкались они на вокзалах и пристанях в ожидании, когда в переполненных поездах или пароходах обнаружится свободное место. Нужно было наблюдать эту сидящую на корточках массу с одеялами, матрацами, котелками и припасами, чтобы узнать в русских азиатский народ... Поскольку европейски ориентированный господствующий слой был вычищен, все вернулось к первоначальному состоянию орды.

Мы видели множество крестьян, которые еще тогда могли сидеть перед иконой Богородицы на Красной площади, и городской пролетариат, которому не пристало так себя вести, ибо он стал господствующим классом. В театре мы смотрели прекрасный балет, искусно исполненный и наполненный красной чепухой. Театральная публика выглядела мелкобуржуазно. Я сомневаюсь, чтобы среди зрителей находились рабочие. Мы посетили также рабочую коммуны, квартиры в которой не оставляли желать лучшего. Сопровождающий меня знаток России сказал, что нам покажут только тщательно просеянные исключения... Русский всегда хо-

чет разделить содержание своего узелка с ближним. Чувство коллективизма у них врожденное. Большевизм Ленинско-Сталинского типа долго существовать может только в России»³⁰.

Бломберг подытоживал:

«На меня Россия произвела очень серьезное впечатление, одновременно и непостижимое. Это была чужая страна. Я сказал себе, что мы должны либо стать ей другом, поскольку у нас общие интересы в укреплении позиций против западного мира, или же нам нужно планомерно готовить борьбу против наших восточных соседей, которая должна будет вестись при благоприятных обстоятельствах, то есть с собранной в кулак силой. Недооценка этого противника была безусловно большой ошибкой. Уже после 1933 года и потом во Второй Мировой все пошло по-другому»³¹.

- ¹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0165. Оп. 5. П. 123. Д. 146. Л. 168 (Докладная записка январь 1927 года).
- ² Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Протокол допроса арестованного Нидермайера О.Ф. от 17 мая 1945 года. Л. 15 об.
- ³ Там же. Протокол допроса арестованного Нидермайера О.Ф. от 28 августа 1945 года. Л. 27 об.-28.
- ⁴ Там же. Л. 29 об.
- ⁵ Там же. Л. 28-29.
- ⁶ Там же. Л. 30.
- ⁷ Там же. Протокол допроса арестованного Шпальке К.А. от 16 сентября 1946 года. Т. 1. Л. 15.
- ⁸ Там же. Л. 16.
- ⁹ Там же. Протокол допроса арестованного Шпальке К.А. от 22 августа 1947 года. Т. 1. Л. 46.
- ¹⁰ Там же. Л. 47.
- ¹¹ Там же. Протокол допроса арестованного Шпальке К.А. от 16 сентября 1946 года. Т. 1. Л. 21.
- ¹² Там же. Протокол допроса арестованного Шпальке К.А. от 27 августа 1947 года. Т. 1. Л. 59.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Протокол допроса арестованного Шпальке К.А. от 28 августа 1951 года. Т. 1. Л. 191.
- ¹⁵ Там же.

- ¹⁶ Там же. Л. 193.
- ¹⁷ Там же. Протокол допроса арестованного Шпальке К.А. от 16 сентября 1946 года. Т. 1. Л. 17.
- ¹⁸ Там же. Л. 18.
- ¹⁹ Там же. Протокол допроса арестованного Шпальке К.А. от 29 августа 1951 года. Т. 1. Л. 208–210.
- ²⁰ *Groehler O. Selbstmörderische Allianz: Deutsch-russische Militärbeziehungen, 1920–1941. Berlin, 1992. S. 53.*
- ²¹ *Ахтамзян А.А. Военное сотрудничество СССР и Германии, 1920–1933 // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 16.*
- ²² *Blomberg's P. Privates Archiv. Reise des Chefs des Truppenamts nach Russland. (August/September. 1928). S. 46.*
- ²³ Речь идет о маневрах Украинского военного округа, проводившихся в 1926 г. Цель маневров – отработка взаимодействия военноморского флота и сухопутных родов войск при проведении боевой операции.
- ²⁴ Письмо народного комиссара по военным и морским делам К.Е. Ворошилова командующему войсками Северо-Кавказского округа И.П. Уборевичу с постановкой задач по изучению Рейхсвера // *Рейхсвер и Красная Армия: документы из военных архивов Германии и России, 1925–1931. Кобленц, 1995. С. 95.*
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Доклад подполковника Вильберга и ротмистра Ешонека о командировке в Москву и Липецк в сентябре 1926 г. // *Рейхсвер и Красная Армия: документы из военных архивов Германии и России, 1925–1931. Кобленц, 1995. С. 39.*
- ²⁷ *ВА-МА Hergestellt im Bundesarchiv-Militärarchiv-Bestand MSg2 Aktenband 782 Tomka. S. 27.*
- ²⁸ *Vom VA-MA Hergestellt im Bundesarchiv-Militärarchiv-Bestand MSg2 Aktenband 782 Tomka. S. 35.*
- ²⁹ Так назывались вооруженные силы Третьего рейха после прихода Гитлера к власти (с 1935 г.).
- ³⁰ *Bundesarchiv Militärarchiv Freiburg №52/2 Blomberg: Lebenerinnerungen – handschriftlich. Bd. III.S. 133–134.*
- ³¹ *Ibid. S. 139–140.*